

ОПАСНОЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

Человек, не проявляющий интереса к своему ближнему, испытывает величайшие трудности в жизни и наносит величайший ущерб другим.

Дейл Карнеги

Сотни, а то и тысячи лет с помощью разработанных специалистами экзаменационных тестов педагоги пытаются объективно оценивать уровень знаний учащихся. Но, говорят, очень трудно определить саму мудрость человека. Хорошую оценку можно получить благодаря усидчивости и даже зубрежке. Однако многознайство, как говорил Гераклит, «уму и мудрости не научит». А Демокрит даже убедился на практике, что большинство многознаек лишено ума. Ибо мудр тот, кто знает «нужное, а не многое». Именно знание нужного, важного позволяет человеку предвидеть будущее. Не случайно философы твердили, что истинные пророки могут не просто заглянуть в будущее, а предвидят беду.

Я уже рассказывал об одном таком пророке, писателе и публицисте Евгении Богате, который долгие годы работал в «Литературной газете». Как-то однажды в его кабинете, где обычно собиралось много народу, кто-то рассказал, что накануне Брежнев со своим стандартным эскортом ехал с дачи в Москву и где-то, не то на Рублевском шоссе, не то прямо в самом городе, случилась авария. Погиб человек, который ехал на своем «Жигуленке», занимая часть центральной дорожной полосы, предназначенной только для вождей. Водитель первой машины из брежневской охраны, видя, что «Жигуленок» находится на части правительственной полосы, на бешеной скорости мощным ударом своего бронированного автомобиля без всякого предупреждения так ловко, так привычно и натренированно оттолкнул несчастного нарушителя, что тот отлетел в сторону, как футбольный мяч. Тотчас же «Жигули» врезались в другую машину, та — еще в одну. Далее все происходило по принципу домино. В результате водитель «Жигуленка» погиб на месте. Подоспевшая «Скорая помощь» подобрала до десятка раненых. Как никогда оперативно растащили целую груду изуродованных машин. Нивесть откуда появился взвод одетых

в штатские костюмы и милицейскую форму людей, которые разогнали любопытных зевак возгласами: «Разойтись! Ничего страшного не произошло. Все в порядке». Кто-то громко кричал: «Виноват водитель «Жигулей», нарушил правила, занял запретную полосу, вот и поплатился».

В кабинете Богата наступила тишина, которая, правда, длилась недолго. Нарушил ее сам хозяин, который спокойно сказал: «Одного такого случая и такого спектакля достаточно, чтобы с уверенностью заявить — страна эта рухнет. И, судя по всему, очень скоро». Это было в 1980 году.

Евгений Богат оказался пророком. Разумеется, этот мудрый человек и, как о нем говорили, рафинированный интеллигент, похожий на хрестоматийный портрет Бетховена, только с более тонкими чертами лица, сделал столь категоричный вывод о развале могущественной державы вовсе не потому, что произошла авария с жертвами. В конце концов, везде и всюду чуть ли не ежечасно случаются аварии с трагическими исходами. Здесь было другое. В данной ситуации сам по себе эскорт в таком виде, в каком он существовал — явление криминальное. Вот как говорил Богат: «За счет государства, то есть за счет народа, кормится жестокий чиновник, для которого судьба «маленького человека» не стоит и гроша. Ибо для него есть одна ценность — это босс-кормилец. Для такого холуя абсолютно все равно, кто находится в «Жигуленке» — простой ли смертный, или Пушкин, или Эйнштейн, или мать родная. У него не просто собачья профессия, а философия собаки. Вытолкнув машину из так называемой правительственной полосы, он выполнил свой долг. И он поступок такой расценивает как норму. Вот в этой-то «норме» отчетливо видна драма государства».

Как тут не вспомнить слова философа Бердяева: «Государство существует не для того, чтобы превращать земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад. Так что не трудно догадаться, какое именно государство обречено на гибель. Об этом должны знать государственные мужи, дабы действительно предупредить беду».

Недавно я читал в одной из московских газет, что брежневские и даже сталинские эскорты по количеству и качеству машин выглядели бы провинциальным детским садом по сравнению с нынешними выездами. Причем речь вовсе не о современных Сталиных и Брежневых. Можно сказать, что по большому счету, речь нынче идет не столько о новоявленных вождях, сколько об олигархах и ворах в законе, лишь бы были

деньги. Так происходит во всех столицах СНГ. Я часто читаю об этом в российской, и не только российской прессе, в интернетовских распечатках. Но для меня страшнее всего ситуация в Армении. Именно поэтому хочу рассказать о том, как обстоит дело у нас.

Ростки этой проблемы я видел еще в разгар Карабахской войны. В пору, когда при, казалось, тотальном безденежье самым дорогим товаром был керосин, самым ходовым — японская керосиновая печь «Фуджика», когда Ереван и вся Армения были погружены во тьму, когда тела погибших героев доставляли с поля боя исключительно на вертолетах, когда улицы столицы были заполнены торговыми столиками, я обнаружил неожиданно для времени и ситуации перемены, как в Армении, так и в Арцахе. И уже тогда я сделал запись в блокноте, которая вскоре была обнародована в газете «Азг», а затем в книге «Между адом и раем». Приведу здесь фрагмент: «То, чего я больше всего боялся, кажется, уже пришло в нашу жизнь. Разочарование в лидерах, которые не выдержали испытания властью. В Степанакерте появилась элита, одетая в добротные дорогие костюмы. Казалось, ничего страшного в том нет. Хотя мораль сегодня обязывает карабахца думать и об этом. Идет война. Республика ничего не производит. Денег своих нет. А добротный костюм не купишь нынче даже за трех-четырёхлетнюю зарплату. И об этом хорошо знает вдова героя Арцаха, у которой на руках осталось четверо детей (это ее мысли о костюме я привел здесь). Однако я ведь имею в виду не только внешний вид. Просто в лихолетье народ, переживший горе и лишения, с ревностным чувством справедливости относится ко всем тыловым чиновникам»...

Дело ведь не просто в «добротном костюме». Дело в такте и элементарной этике. Фронт тогда был повсюду. А фронт чем-то напоминает пахоту, куда люди во фраках не ходят. Когда в годы войны жена лишается мужа, мать — сына, они становятся озлобленными не от зависти к тем, кому повезло, а от обиды на то, что чиновники, тыловики и купцы в упор не видят этих женщин с их неутешным горем. Именно эти женщины прекрасно осознают, что и власть предержажшие, и чиновники, и бизнесмены, и новоявленные капиталисты богатеют исключительно потому, что их мужья и сыновья, весь наш народ привели страну к победе, которая дает надежду на стабильное и мирное будущее.

Война для этих женщин (речь идет, конечно, не только о них) еще не закончилась, и они всегда будут ждать своих род-

ных с поля боя. Просто надо всем и каждому почувствовать их присутствие в обществе. И вот вдруг на бешеной скорости, нарушая все мыслимые и немыслимые правила уличного движения, обдавая пылью этих самых женщин в черном, мчится по городу кавалькада джипов, сопровождающих не шахиншаха Персии, не английскую королеву, не сицилийского «крестного отца», не американского миллионера Кирка Кркоряна, а вчерашнего простого советского человека, который без первичного капитала, волею случая, везения, таланта, честности, воровства, протекции, крыши, настырности, заложенной в нем жилки бизнесмена и так далее, и тому подобное, сумев использовать законы и беззакония рыночных отношений, стал предпринимателем, олигархом, богачом, нуворишем.

Дай Бог им и их детям долгих лет жизни, лишь бы они платили налоги. Короче, речь вовсе не о том, что кто-то развезжает по столице Армении в «Мерседесах» и шикарных «Джипах». Речь о сопровождении, об охране, об эскорте, о десятках кучеров-телохранителей и другого обслуживающего персонала. А это значит — речь об элементарной морали, об этике, об уважении к себе и своим соотечественникам.

В этой связи нет, пожалуй, надобности подробно останавливаться на таком вопросе, как право. Я не думаю, что есть такой закон, который позволяет любому и в любом количестве сколачивать себе в полном смысле слова военизированный эскорт. Мало того, это тот случай, когда не должен срабатывать принцип: «То, что не запрещается законом, можно себе позволить». Вопрос следовало бы поставить иначе: что это за персона такая, что это за фигура такая, которая боится ездить по городу в одной машине без всякой охраны? Неужели все эти люди всерьез полагают, что за ними день и ночь охотятся киллеры? И неужели, если эти самые киллеры задумали убить намеченную ими жертву, то охрана спасет их? Жизнь показала, что потенциальной жертвой, как правило, становится сама охрана. В любом случае, совершенно непонятно, каким образом целая дюжина машин намеревается спасти своего босса в уличной толчее, где любой прохожий может стать жертвой. И что они будут делать со своими «калашниковыми» и «макаровыми» в уличной толпе, где беспечно гуляют с детьми и внуками мамы и бабушки? Я думаю, эти шефы и боссы очень хорошо понимают, что вся их охрана — не более чем самообман. Тут вопрос абсолютно в другом. Вопрос в демонстрации своей персоны, своих возможностей, своего веса, так называемого имиджа и

все того же богатства. Перед кем? Перед той же вдовой и четырьмя ее полусиротками, которые уже взрослыми в помощи нуждаются больше, чем когда были крошками. Не случайно говорят: «маленькие дети — маленькие проблемы, большие дети — большие проблемы». По большому счету, война не кончилась. Она не только в памяти нашей, не только в тиши кладбища Ераблур, но и в душевных и физических ранах многих и многих соотечественников, всего нашего народа.

В каждой бронированной машине — целый экипаж бугаев с бычьими шеями. Как на подбор — мощные натренированные атлеты, хорошо оплачиваемые, покорно выполняющие любое указание шефа. Кто знает, какова будет их судьба в будущем, если они лишены сегодня возможности, как говорится, работать над собой, над своим интеллектом, в конце концов, над вопросами жизни и морали. Когда Аветика Исаакяна спросили, как он понимает суть и смысл морали, варпет ответил не задумываясь, что надо так жить, как жили наши отцы и деды — правильно. Ибо лучше жить правильно, чем «красиво». Для варпета «жить правильно» означало жить добрыми поступками, жить по-армянски («айавари»).

Надо уяснить для себя, что слишком затемненные окна кортежа не позволяют ясным взглядом смотреть по сторонам, подобно тому, как это происходит у лошадей с шорами. И из своего мирка обитатели кортежа не видят подлинный мир своего народа. Именно поэтому трудно им понять великого варпета, которого я цитирую бесконечно.

Есть, думается, настоятельная необходимость в том, чтобы армянский парламент, прислушиваясь к мыслям поэта, в законодательном порядке решил вызывающую омерзение проблему, в которой истинные пророки видят опасное предзнаменование.